УДК 340.11:2-18 + 347.823 + 347.727

А. С. Меньшиков

СВОБОДА СОВЕСТИ И ЗАЩИТА ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОЙ МОДЕРНОСТИ*

В статье рассматривается обновление российского законодательства в целях обеспечения защиты чувств верующих. Дается описание проведенных редакций, новации помещены в контекст истории российского и международного законодательства. Анализируется суть аргументов сторонников и противников защиты чувств верующих, проясняется смысл этого понятия с правовой и политико-философской позиций. Приводится пример применения данного понятия в судебной практике. Делается вывод о том, что даже добросовестные и лояльные эксперты сталкиваются со сложностями понимания и использования категории «религиозные чувства верующих». Высказывается предположение, что введение этой категории является симптомом постсекулярной ситуации в Российской Федерации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: свобода совести и вероисповеданий, свобода слова, религиоведческая экспертиза, религиозные чувства верующих, постсекулярность.

В одной из недавних статей я высказывал мнение, что в обществах поздней модерности апелляция к некоторым нормам уже невозможна, приводя в качестве примера невероятность криминализации богохульства. Однако нововведения 2013 г., которые пересмотрели ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» Уголовного кодекса РФ (в редакции 29.06.2013 № 136-ФЗ), а также ст. 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» Кодекса об административных правонарушениях РФ (в редакции 29.06.2013 № 136-ФЗ), поставили мое суждение под сомнение. Собственно, новшеством стало введение категории «религиозные чувства верующих» в статью, которая призвана защитить конституционные права на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированные ст. 28 Конституции РФ, свободу мысли и слова (ст. 29), свободу собраний (право на объединение, ст. 30). Эти права также подтверждены в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ от 26.09.1997 (новая ред. от 06.07.2016). В обновленном виде ст. 148 УК РФ в качестве нарушений права на свободу совести и вероисповеданий караются:

«1. публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих;

2. деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;

3. незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний;

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01194).

© Меньшиков А. С., 2017

4. деяния, предусмотренные частью третьей настоящей статьи, совершенные:

а) лицом с использованием своего служебного положения;

б) с применением насилия или с угрозой его применения».

Осуждение по данному преступлению предусматривает довольно суровое наказание — вплоть до лишения свободы до трех лет (по п. 2)[1]. Проведение редакции этой статьи связывалось в прессе с реакцией политического класса на деятельность панк-группы Pussy Riot, некоторые члены которой были осуждены за хулиганство в 2012 г.

Среди объяснений такого шага по обновлению ст. 148 УК РФ лидерами общественного мнения можно выделить два направления. С одной стороны, в реформе можно видеть продолжение линии на «закручивание гаек» и такой шаг приравнивался к другим «репрессивным» законам, открывающим возможность расширительного толкования вины с целью преследования инакомыслящих (антиэкстремистское законодательство[2]). Эта позиция находила подтверждение в том, что в законе уже имелись нормы, карающие за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе» (ст. 282 УК РФ) и за «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 5.61 КоАП РФ). Более того, как показал случай с панк-группой, вполне действенной оказалась ст. 213 УК РФ, карающая за «хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу», и карающая более сурово за антирелигиозную мотивацию. Наконец, ст. 148 УК РФ в прежней редакции карала преступления, связанные с «воспрепятствованием осуществлению деятельности религиозных организаций». Однако идея о защите чувств верующих нашла поддержку у широких масс населения. Так, среди отвечающих на вопрос «Как вы относитесь к тому, что за оскорбление чувств верующих можно лишиться свободы?» 55 % выразили

---

[1] Стоит отметить, что в Кодексе административных правонарушений формулировка иная. Так, ст. 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» (в ред. Федерального закона от 29.06.2013 № 136-ФЗ) КоАП РФ карает за «1. Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе принятию религиозных или иных убеждений или отказу от них, вступлению в религиозное объединение или выходу из него...; 2. Умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порча или уничтожение...»

[2] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ), который определил «экстремистскую деятельность» как «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии...». А также, в частности, статьи УК РФ: ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 112-ФЗ; ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» от 25.07.2002 № 112-ФЗ; ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» от 25.07.2002 № 112-ФЗ; ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности» от 28.06.2014 № 179-ФЗ. Более подробно о сложностях применения анитиэкстремистского законодательства в контексте права на свободу совести см. [5].

согласие с необходимостью такого наказания, тогда как 37 % высказались против (опрос Левада-Центра, июнь 2013 г. [9]).

Таким образом, главным новшеством, как уже упоминалось, стало именно введение категории «религиозные чувства верующих», на которое остро среагировали многочисленные критики, указывавшие на неясность термина[3], на возможность использовать эту статью в целях борьбы с инакомыслием и неугодными, и в особенности на то, что такое новшество излишне, ибо все преступления данного типа криминализованы в других нормах.

С другой стороны, эту новацию можно оценивать как один из элементов дискурса «традиционных ценностей»[4], то есть как подтверждение государством своего особого отношения к религии вообще и православию в частности. Эта норма рассматривается в ряду «морализаторских» законодательных актов (ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» КоАП (от 29.06.2013)) и норм, дискриминирующих новые или «импортируемые» религиозные движения (ограничение миссионерской деятельности в п. 4 и 5 ст. 5.26 «Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях» КоАП (от 06.07.2016 № 374-ФЗ)). Таким образом, в защите «религиозных чувств верующих» критики усматривали нарушение светского характера российского государства и дискриминацию атеистических воззрений. В целом такая формулировка приравнивалась к восстановлению наказания за богохульство, то есть свидетельствовала, по мнению критиков, о клерикализации российского законодательства в сфере религии [2].

Однако наибольшая шумиха вокруг новой редакции ст. 148 УК РФ поднялась после того, как по этой статье выдвинули обвинения видеоблогеру Р. Соколовскому (спектр мнений см. [9][5]). Мне представляется, что критики как понятия «религиозные чувства верующих», так и новой редакции ст. 148 УК РФ упускают из виду, что эта норма сформулирована на языке прав человека и вполне вписывается в международные и национальные законодательные акты, осуждающие диффамацию религии.

Так, приняты Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г.[6] и Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным

---

[3] Действительно, в комментариях к этой статье понятие «религиозные чувства» не проясняется, однако обильно откомментировано понятие воспрепятствования, которое особых разночтений не вызывает. Довольно полезным оказался в этом плане комментарий на открытом ресурсе [10].

[4] О формировании дискурса традиционных ценностей см. [11, 15, 16, 21–23].

[5] Вадим Волков, научный руководитель Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге: «В данном случае судебный процесс является показательным. Соколовский — популярный видеоблогер, имеющий множество подписчиков. Уголовные репрессии против таких людей являются способом государственного устрашения». Мария Баст, председатель Ассоциации адвокатов за права человека: «Уже с XIX века у нас никого не сажали и не сжигали на кострах за отрицание Бога — и вдруг такая статья. Полное ощущение, что нас в это дремучее Средневековье вновь пытаются затащить» [9].

[6] См.: Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения 20.10.2017).

и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 г.[7] Комиссия по правам человека ООН принимала ряд Резолюций о борьбе с диффамацией религии[8]. Генеральная Ассамблея ООН также поддержала борьбу с диффамацией религии в 2008 г.[9]

В Резолюции A/HRC/RES/13/16 Комиссия по правам человека ООН

«2. выражает глубокую озабоченность в связи с формированием негативного стереотипного представления о религиях и диффамацией религий и проявлениями нетерпимости и дискриминации в вопросах религии и убеждений, которые по-прежнему имеют место в мире, что приводит к нетерпимости по отношению к последователям этих религий;

3. выражает глубокое сожаление в связи со всеми актами психологического и физического насилия по отношению к людям, а также нападений и подстрекательства к ним по причине их религиозных убеждений или верований и в связи с такими актами, которые направлены против их предприятий, собственности, культурных центров и мест отправления культа, а также в связи со случаями глумления над святыми местами, религиозными символами и почитаемыми деятелями всех религий;

4. выражает глубокую озабоченность в связи с продолжающимися серьезными случаями сознательного формирования стереотипов о религиях, их приверженцах и священнослужителях в средствах массовой информации, а также в связи с программами и повестками дня экстремистских организаций и групп, направленными на формирование и увековечение стереотипных представлений о некоторых религиях, особенно когда им попустительствуют правительства...»[10].

Следует также отметить, что столь остро критикуемая категория «религиозные чувства верующих» не является чем-то радикально новым. В прежнем Уголовном кодексе РФ с 1993 по 1996 г. существовала ст. 143 «Нарушение свободы совести и вероисповедания», которая включала следующую формулировку[11]: «Оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии

---

[7] См.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 20.10.2017).

[8] От 13 апреля 2004 г. (https://www.un.org/press/en/2004/hrcn1082.doc.htm (дата обращения: 20.10.2017)); от 15 апреля 2010 г. (https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/13/16 (дата обращения: 20.10.2017)).

[9] См.: Резолюция от 18 декабря 2008 г. (Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2008 [on the report of the Third Committee (A/63/430/Add.2)] 63/171. Combating defamation of religions [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/press/en/2009/ga10905.doc.htm (accessed: 20.10.2017)).

[10] Резолюция, принятая Советом по правам человека [Электронный ресурс]. URL: https://undocs.org/ru/A/HRC/RES/13/16 (дата обращения: 20.10.2017).

[11] Полностью эта статья звучит так: «Воспрепятствование законному осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, в том числе совершению религиозных обрядов, сопряженное с насилием или угрозой насилия над личностью, а равно с уничтожением и повреждением имущества граждан, религиозных и общественных объединений или с угрозой совершения такого деяния...; Оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии с использованием в этих целях средств массовой информации или в иной публичной форме, а равно путем разрушения или повреждения культовых зданий, сооружений, иных предметов мировоззренческой символики, памятников, захоронений, нанесения на них оскорбительных надписей и изображений...» (в ред. Закона РФ от 27.08.1993 № 5668-1 — Российская газета. 1993. № 174. 9 сент.; Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996)).

с использованием в этих целях средств массовой информации или в иной публичной форме» (п. 2 ст. 143 УК РФ от 1960 г.)[12].

Таким образом, законодатель, с одной стороны, возрождает формулировку, существовавшую в российском праве ранее, а с другой стороны, имеет за собой некоторый международно признаваемый свод документов, который одобряет нормы такого рода.

Тем не менее приходится согласиться с критиками этого подхода к правам человека (защиты «религиозных чувств»), указывающими на то, что подобные формулировки вступают в противоречие с другими фундаментальными правами, в частности со свободой слова.

В рамках ООН 12 сентября 2011 г. был издан (принят 29 июля) Комментарий № 34 к ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах[13]. В этом Комментарии заявляется, что «свобода мнений и свобода их выражения составляют основу для широкого спектра других прав человека» (параграф 4). Далее поясняется, что «запрет на выражение неуважения к религии или иной системе взглядов, включая законы о богохульстве, противоречит Пакту, за исключением обстоятельств, описанных в параграфе 2 статьи 20 Пакта. Всякий запрет должен соответствовать параграфу 3 статьи 19, статьям 2, 5, 17, 18 и 26. Таким образом, будет например, недопустимо, чтобы любые такие запреты дискриминировали в пользу или против одной или нескольких религий, или систем убеждений, или их приверженцев в сравнении с другими, или верующих в сравнении с неверующими. Также недопустимо, чтобы такие запреты использовались для препятствования критике религиозных лидеров или за комментарии о религиозных учениях и положениях веры, а тем более для наказания за такую критику или комментарии» (параграф 48)[14].

Более того, формулировки Резолюций Комиссии по правам человека были пересмотрены, и в 2013 г. была принята Резолюция 22/31, названная не «Резолюция по борьбе с диффамацией религии», а «Резолюция по борьбе с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией,

---

[12] Более подробно историю законодательства о свободе вероисповеданий см. [4].

[13] General comment № 34 Article 19: Freedoms of opinion and expression [Electronic resource]. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf (accessed: 20.10.2017). Речь в Комментарии идет о Пакте, который принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. В нашем контексте имеют значение две статьи. Статья 19 Пакта утверждает: «1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. 2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. 3. Пользование предусмотренными в пункте 2 настоящей статьи правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: a) для уважения прав и репутации других лиц; b) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Статья 20 Пакта поясняет, что «1. Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом. 2. Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом» ([Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.10.2017)).

[14] См.: General comment No. 34 Article 19: Freedoms of opinion and expression [Electronic resource]. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/docs/gc34.pdf (accessed: 20.10.2017).

дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений»[15]. Данная резолюция пытается найти баланс между осуждением нетерпимости, когда резолюция «решительно осуждает любую пропаганду религиозной ненависти, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию, независимо от того, используются ли для этого печатные, аудиовизуальные, электронные или любые другие средства информации» (параграф 3), и утверждением свободы слова, когда Резолюция «признает, что открытое публичное обсуждение идей, а также межрелигиозный и культурный диалог на местном, национальном и международном уровнях могут являться одними из наилучших форм защиты от религиозной нетерпимости и способны играть позитивную роль в укреплении демократии и борьбе с религиозной ненавистью, и выражает убеждение в том, что продолжение диалога по этим вопросам может помочь в преодолении существующих ошибочных представлений» (параграф 5).

В политической философии дебаты о приоритете свободы слова в качестве основы прав человека наиболее четко изложены уже у Джона Стюарта Милля, далее, можно сказать, они находили лишь очередные подтверждения и повторения (см. [12, 13]). Простейший аргумент заключается в том, что для того, чтобы иметь свободу совести и вероисповеданий, необходимо как предварительное условие иметь свободу выражения мнений, то есть иметь некое разнообразие убеждений и верований, которые можно выбирать, чтобы реализовывать свою свободу совести.

Однако не только с точки зрения светского мировоззрения богохульство не должно быть наказуемо, как показывают исследователи в специальном номере журнала «Государство, религия, церковь» [1], богохульство внутри самой религии часто не имеет негативного характера, отличается амбивалентностью и не подлежит абстрактному осуждению.

В отношении правовых аспектов и правоприменения можно отметить тенденцию к тому, что оскорбление святынь (поругание, кощунство, богохульство) уходят из права цивилизованных обществ (см. [8, 17–20]). С точки зрения прав человека действительно пресекать следует преступления против личности и общества, а не против идей и убеждений, с которыми можно спорить, даже в острополемической форме.

Тем не менее сегодня мы имеем эту правовую норму, с которой приходится сталкиваться как правоохранителям, так и гражданскому обществу. Отметим несколько попыток придать ей смысл.

Комментатор статьи на общественном портале признает, что, «к сожалению, определить, что такое религиозные чувства, крайне сложно. На практике под ними можно понимать, например, глубокую эмоциональную привязанность к объекту поклонения в соответствующей религии, однако такое определение

[15] См.: Resolution adopted by the Human Rights Council on Combating intolerance, negative stereotyping and stigmatization of, and discrimination, incitement to violence and violence against, persons based on religion or belief 15 April 2013 [Electronic resource]. URL: http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/130/22/pdf/G1313022.pdf?OpenElement (accessed: 20.10.2017).

в законе не зафиксировано» [10]. Далее поясняется, что жертвы оскорбления должны быть членами зарегистрированного в РФ религиозного объединения. Признаками преступления являются публичность, явное и недвусмысленное неуважение к обществу в целом, умысел на оскорбление [Там же]. Если для оценки оскорбительности существует лингвистическая экспертиза, которая может ориентироваться на общепринятую методику[16], то в нашем случае стало практикой назначение религиоведческой экспертизы, которая, по признанию самих экспертов, объективно признанной методикой не обладает [3, 6].

Следует иметь в виду, что имеется государственная религиоведческая экспертиза, в основном проводящаяся на стадии регистрации религиозного объединения и осуществляемая экспертными советами при Минюстах федерации и ее субъектов, призванная подтвердить религиозный характер регистрируемого объединения[17]. Также имеются судебная религиоведческая и судебная теологическая экспертизы, в отношении которых «по сей день остаются открытыми вопросы, касающиеся методологии и терминологии экспертизы, а также требований, предъявляемых к экспертам — религиоведам и теологам. Это не может не вызывать обоснованной тревоги, поскольку при отсутствии четкой методологии экспертиза носит субъективный характер и может стать инструментом злоупотребления в руках недобропорядочного эксперта, выполняющего “заказную” экспертизу. Подобное экспертное заключение способно накалить общественную обстановку и дискредитировать государственные органы, которые ее учитывают при принятии решения» [6, *126*].

В судебной практике при религиоведческой экспертизе[18] в деле Р. Соколовского эксперт попытался дать определение религиозных чувств верующих таким образом: «Религиозные чувства — эмоциональное отношение верующих к гипостазированным существам, атрибутированным свойствам и связям, к сакрализованным вещам, животным, растениям, друг к другу, к самим себе, чувства представляют собой высший продукт развития эмоциональных процессов. Чувства представляют собой переживания, которые имеют субъективно значимый смысл, всегда предметны, связаны с потребностями и мотивами, непосредственно связаны с религиозной верой, спаяны с религиозными представлениями, повествованиями, в силу чего приобрели соответствующую направленность, смысл

---

[16] «Эксперты-лингвисты выделяют ряд признаков, при наличии которых имеет смысл говорить о том, что высказывание не просто причинило обиду, но является оскорблением в правовом смысле: 1. Высказывание является негативным по отношению к лицу (в данном случае — религиозной общине, коллективу верующих, наконец, просто ко всем людям, разделяющим конкретные религиозные убеждения). 2. Высказывания обращены именно к этим лицам или рассчитаны на то, что будут доведены до их сведения. 3. Негативные высказывания характеризуют личность потерпевших. 4. Высказывания были сделаны в неприличной форме (ругательства, матерная брань, осквернение или уничтожение символов и т. д.). 5. Высказывания были сделаны публично (в СМИ, Интернете, официальном документе и т. п.) 6. Содержание высказываний направлено на унижение чести и достоинства потерпевших» [10].

[17] Государственно-религиоведческая экспертиза регулируется Постановлением Правительства РФ от 03.06.1998 № 565 «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» и Приказом Минюста РФ от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе».

[18] Точнее, при комплексной психолого-лингвистическо-религиоведческо-социологической судебной экспертизе.

и значение. Разные эмоции человека (страх, любовь, восхищение, благоговение, радость, надежда, ожидание и т. д.) сплавляются с религиозными представлениями, и верующий человек переживает любовь к Богу, страх Господень, радость богообщения, умиление иконой Богоматери, чувство греховности, смирения, покорности, сострадание к ближнему, благоговение перед красотой и гармонией сотворенной природы, ожидание чуда, надежда на потустороннее воздаяние, страх, неприязнь, отторжение Сатаны и т. д.» [7].

Как видно из этого примера, «эмоциональное отношение», «эмоции», «чувства», «переживания, имеющие субъективно значимый смысл», сливаются, а точнее, по словам автора, «сплавляются с религиозными представлениями». Насколько такое определение приемлемо с точки зрения современной психологии? Более того, насколько можно выстроить методику оценки «оскорбления религиозных чувств верующих» по этому определению для применения в судебной практике? Стоит также отметить, что, судя по приведенным примерам, совершенно игнорируются не только нетеистические, но даже неправославные «религиозные чувства» (поскольку не все христиане почитают иконы). Такое определение чрезвычайно тенденциозно, однако не помешало тому, чтобы оно использовалось в качестве доказательства в суде (согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), который соответственно осудил и приговорил человека к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы с условным сроком в три года [Там же].

Иначе к проблеме использования понятия «религиозные чувства верующих» в суде подходит эксперт С. Н. Астапов, который в начале своей статьи относится к термину «религиозные чувства верующих» очень критически: «...с точки зрения религиозного сознания говорить об оскорблении “религиозных убеждений и чувств” бессмысленно. Далеко не все чувства и убеждения религиозных индивидов являются религиозными чувствами и убеждениями. Такими являются только те, которые обусловлены отношением верующих к объекту религиозной веры — сверхъестественному во множестве его манифестаций. Эти чувства нельзя оскорбить, так как с точки зрения теистической религии никакими действиями нельзя обидеть, оскорбить, осквернить, унизить и т. п. ни самого Бога, ни Его Промысел относительно верующего в Него, а также отвратить истинно верующего от Бога» [3, *99*]. Однако далее он проводит разделение чувств и убеждений (хотя убеждения в статье УК не упоминаются) и определяет оскорбление чувств таким образом: «Если искажение религиозных представлений и убеждений совершается целенаправленно, публично и в грубой форме, особенно с нарушением моральных норм, принятых в обществе, то его следует квалифицировать как оскорбительное действие. ...В большинстве случаев этой целью является утверждение приоритета идей и ценностей, противоположных тем, которые несут религиозные верования и связанные с ними представления» [Там же, *101–102*].

Таким образом, задачей экспертов будет «определение направленности на сознательную трансформацию религиозных представлений в результате их оскорбительной репрезентации» [Там же, *102*]. Однако что может лучше описать цели любой полемики, чем «направленность на сознательную трансформацию представлений» в результате «оскорбительной» ли, «критической»

ли, «саркастической» ли репрезентации воззрений своих оппонентов?! Таким образом, отказавшись от попыток определить «чувства верующих», эксперт сосредоточился на убеждениях, изменения которых являются неотъемлемым правом любого гражданина и гарантированы свободой слова.

Итак, мы приходим к выводу, что, несмотря на язык прав человека, используемый в статье, призванной защищать конституционные права на свободу совести и вероисповедания, категория «религиозных чувств верующих» является чрезвычайно проблематичной. Она не может быть четко определена, поскольку чувства вообще субъективны, а выделение специфически религиозных чувств ведет либо к узкоконфессиональной их интерпретации, либо к полному размыванию понятия «религиозные чувства», где чувства «сливаются с представлениями» и убеждениями. Если же предполагается защищать религиозные убеждения, то мы вступаем в противоречие с правом на свободу совести для неверующих, дискриминируя в пользу религиозных людей, и правом на свободу слова для всех, поскольку, как было показано, свобода слова является «лексически» первичной по отношению к свободе совести и вероисповеданий. Свобода слова — условие возможности свободы совести, и потому защита последней не может служить обоснованием для ограничения первой.

---

1. *Агаджанян А., Майзульс М.* Богохульство: дискурсы и практики // Государство, религия, церковь. 2017. № 2(35). С. 7–14.

2. *Алебастрова И.* Процессы секуляризации и клерикализации в современном мире: поиски конституционного баланса // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 5(114). С. 117–136. DOI: 10.21128/1812-7126-2016-5-117-136

3. *Астапов С. Н.* Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12, № 1. С. 98–102.

4. *Бахметьев П. В.* Уголовно-правовая охрана свободы совести и вероисповедания в России в рамках XX столетия // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 2(32). С. 66–69.

5. *Лукичев О. В., Иванова О. С., Чалых И. С.* Проблемы применения антиэкстремистского законодательства в контексте права на свободу совести и вероисповедания // Криминология. 2017. № 1(44). С. 28–36.

6. *Назаркулова Ч. Н.* О некоторых особенностях религиоведческих экспертиз, назначаемых при расследовании преступлений, совершенных по мотиву религиозной ненависти и вражды // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2016. № 1(69). С. 123–127.

7. «Sokolovsky! Ничего святого»: Приговор Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга (17 мая 2017) [Электронный ресурс] // Медиазона. URL: https://zona.media/article/2017/05/17/sokolovsky-prigivor (дата обращения: 20.10.2017).

8. *Хулап В.* Уголовное законодательство Германии в сфере религии: история и современные дискуссии // Государство, религия, церковь. 2017. № 2(35). С. 150–171.

9. Что нужно знать о 148-й статье УК РФ: История вопроса и мнения экспертов (11.05.2017) [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3294094 (дата обращения: 20.10.2017).

10. Что по закону является оскорблением чувств верующих? 06.06.2017 [Электронный ресурс] // Народный советникЪ: [юрид. и налоговый портал]. URL: http://nsovetnik.ru/pravila_povedeniya/chto_po_zakonu_yavlyaetsya_oskorbleniem_chuvstv_veruyuwih/ (дата обращения: 20.10.2017).

11. *Штёкль К.* Постсекулярные конфликты и глобальная борьба за традиционные ценности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 222–240.

12. *Asad T., Brown W., Butler J., Mahmood S.* Is Critique Secular? Blasphemy, Injury, and Free Speech. Berkeley, 2009.

13. *Butler J., Habermas J., Taylor C., West C.* The Power of Religion in the Public Sphere / Ed. and intr. E. Mendieta and J. VanAntwerpen. N. Y. : Columbia UP, 2011.

14. The Fall and Rise of Blasphemy Law. Eds. Paul Cliteur, Tom Herrenberg. Leiden, 2016.

15. *Horvath R.* The Reinvention of 'Traditional Values': Nataliya Narochnitskaya and Russia's Assault on Universal Human Rights // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68:5. P. 868–892. DOI: 10.1080/09668136.2016.1184230

16. *Köllner T.* Patriotism, Orthodox Religion and Education: Empirical Findings from Contemporary Russia // Religion, State and Society. 2016. Vol. 44:4. P. 366–386. DOI: 10.1080/09637494.2016.1246852

17. *Lykes V. A., Richardson J. T.* The European Court of Human Rights, Minority Religions, and New Versus Original Member States // Legal Cases, New Religious Movements, and Minority Faiths / Eds. James T. Richardson, Francois Bellanger. Farnham: Ashgate, 2014. P. 171–203.

18. *Mullis A., Scott A.* How to Know the Truth: Accommodating Religious Belief in the Law of Libel // Legal Cases, New Religious Movements, and Minority Faiths / Eds. James T. Richardson, Francois Bellanger. Farnham : Ashgate, 2014. P. 131–148.

19. *Nash D.* Blasphemy in the Christian World. A History. Oxford, 2007.

20. *Singh H.* Religious Libel: Are the Courts the Right Place for Faith Disputes? // Legal Cases, New Religious Movements, and Minority Faiths / Eds. James T. Richardson, Francois Bellanger. Farnham : Ashgate, 2014. P. 149–170.

21. *Stepanova E.* 'The Spiritual and Moral Foundation of Civilization in Every Nation for Thousands of Years': The Traditional Values Discourse in Russia // Politics, Religion & Ideology. 2015. Vol. 16:2–3. P. 119–136. DOI: 10.1080/21567689.2015.1068167

22. *Stoeckl K.* The Russian Orthodox Church as Moral Norm Entrepreneur // Religion, State and Society. 2016. Vol. 44:2. P. 132–151. DOI: 10.1080/09637494.2016.1194010

23. *Wilkinson C.* Putting "Traditional Values" Into Practice: The Rise and Contestation of Anti-Homopropaganda Laws in Russia // Journal of Human Rights. 2014. Vol. 13:3. P. 363–379. DOI: 10.1080/14754835.2014.919218

Рукопись поступила в редакцию 2 ноября 2017 г.